ОТЪ
ИЗДАТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА
ОБЩЕСТВА.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

ДМИТРІЙ МАКСИМОВИЧЬ КНЯЖЕВИЧЬ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Настоящій томъ «Записокъ» былъ уже совсѣмъ конченъ, и Президентъ Общества, Попечитель Одесскаго Учебнаго Округа, Тайный Совѣтникъ *Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ*, ѣхалъ изъ Одессы въ Петербургъ, съ тою, между-прочимъ, мыслію, чтобы этотъ первый плодъ совокупной дѣятельности своихъ Сочленовъ имѣть счастіе представить Августѣйшему Покровителю Общества, и потомъ выпустить въ свѣтъ. Вдругъ раздалась печальная вѣсть, что его самаго не стало на свѣтѣ. Общество лишилось своего перваго и до-сихъ-поръ единственнаго Президента, своего истиннаго Основателя, своего ревностнѣйшаго и дѣятельнѣйшаго Члена, просвѣщенному усердію и неусыпнымъ попеченіямъ котораго оно обязано и

тѣмъ, что этотъ томъ «Записокъ» является въ настоящемъ видѣ. Въ глубокомъ чувствѣ столь горестной утраты, оно вмѣняетъ себѣ въ обязанность, здѣсь-же и теперь-же, воздать долгъ священной признательности невозблагодаримымъ достойно заслугамъ усопшаго, помѣстивъ краткій очеркъ его прекрасной и многополезной жизни. Этотъ неожиданно прилагаемый *некрологъ*, да служитъ какъ-бы надгробною надписью на самомъ памятникѣ послѣднихъ, предсмертныхъ трудовъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго вѣчной памяти, тѣмъ-болѣе для Общества незабвеннаго мужа.

* *
*

Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ родился въ Петербургѣ, 25 апрѣля 1788 года. Отецъ его, происхожденіемъ Сербъ, изъ Военной-Кроаціи, изъ округа Лики, гдѣ родъ Княжевичей (по-Сербски — *Кнѐжевичи*, по-Нѣмецки — Knežević) занималъ всегда почетное мѣсто въ туземномъ, славномъ своими патріархальными нравами и геройскимъ мужествомъ населеніи, въ то время, усыновясь Россіи, служилъ Кавалергардомъ. Въ послѣдствіи, перешедши изъ военной службы въ статскую, онъ занималъ разныя мѣста въ Саратовѣ, въ Уфѣ и наконецъ въ Казани, гдѣ и кончилъ жизнь свою въ чинѣ Статскаго Совѣтника, въ должности Совѣтника Казенной Палаты. Дмитрій Максимовичъ, старшій изъ четырехъ братьевъ, провелъ первыя лѣта своего дѣтства при родителѣ, и первоначальное воспитаніе получилъ въ новоучрежденной въ то время Казанской Гимназіи, гдѣ онъ и второй братъ его, Александръ Максимовичъ, нынѣ Директоръ Департамента Государственнаго Казначейства, были первые дѣти, записанные въ число новонабираемыхъ учениковъ.

Прямо изъ Гимназіи, Дмитрій Максимовичъ вступилъ въ государственную службу, для чего отправился изъ Казани въ Петербургъ. Здѣсь, съ 1 сентября 1802 года, онъ поступилъ въ бывшую Экспедицію о Государственныхъ Доходахъ; и, съ-тѣхъ-поръ, въ продолженіе болѣе-чѣмъ сорока лѣтъ, только разъ перемѣнилъ родъ службы, перешедши, уже въ 1837 году, изъ Министерства Финансовъ въ Министерство Народнаго Про-

свѣщенія. Замѣчательный примѣръ постоянства на однажды избранномъ поприщѣ, доказывающій, какъ покойный умѣлъ привязываться къ своему долгу, какъ, постановивъ себѣ цѣль, онъ прилѣплялся къ ней всѣмъ сердцемъ, всею душею, всею своею жизнью.

Впрочемъ, не смотря на это видимое однообразіе, служебная дѣятельность Дмитрія Максимовича, въ слѣдствіе его отличныхъ способностей, которыя не могли укрыться отъ Начальства, имѣла случаи развернуться широко и многообразно. Юноша, предоставленный одному себѣ, безъ состоянія, безъ связей, безъ всякаго особеннаго благопріятства со-стороны обстоятельствъ, до 1814 года онъ прокладывалъ себѣ дорогу скромнымъ, смиреннымъ трудомъ, проходя лѣствицу канцелярской службы въ Экспедиціи о Государственныхъ Доходахъ съ самыхъ низшихъ ступеней. Въ это время судьба указала ему особое назначеніе, выдвинувшее его на поприще болѣе видное и просторное: по распоряженію Высшаго Правительства, его, тогда еще только Титулярнаго Совѣтника, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими чиновниками Министерства Финансовъ, отправили къ бывшей за границей Большой Дѣйствующей Арміи, для службы въ учреждавшихся тамъ Ликвидаціонныхъ Коммиссіяхъ по расчетамъ съ Иностранными Правительствами за продовольствіе нашихъ войскъ. Такимъ образомъ, въ іюнѣ 1814 года прибылъ онъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ получилъ назначеніе быть Бухгалтеромъ при Коммиссіи учрежденной въ Австріи, которая сначала имѣла свое мѣстопребываніе въ Прагѣ, а потомъ перешла въ Вѣну, и, въ этомъ званіи, прожилъ въ Вѣнѣ около шести лѣтъ, по іюль 1820 года. Все это время, онъ находился подъ непосредственнымъ главнымъ начальствомъ тогдашняго Генералъ-Интенданта Арміи, Генералъ-Лейтенанта (въ послѣдствіи Министра Финансовъ, Почетнаго Члена нашего Общества, Графа) Е. Ф. Канкрина, которому, съ самаго появленія своего за границу, сдѣлался лично извѣстнымъ, что̀ имѣло, если не тогда, то послѣ, особенное вліяніе на его судьбу по службѣ: необыкновенный мужъ, въ которомъ скрывался будущій Министръ Финансовъ, отличилъ съ перваго взгляда необыкновенныя способности молодаго чиновника, и въ скромномъ Бухгалтерѣ Вѣнской Ликвидаціонной Коммиссіи провидѣлъ своего будущаго сподвижника на высокомъ поприщѣ, которое готовили ему довѣріе и милость Монарховъ. По возвращеніи въ Отечество, Дмитрій

Максимовичъ, уже въ чинѣ Надворнаго Совѣтника, вступилъ снова въ мѣсто прежняго своего служенія, и когда, вскорѣ за тѣмъ, Экспедиція о Государственныхъ Доходахъ преобразована была въ нынѣшній Департаментъ Государственнаго Казначейства, занялъ въ немъ должность Начальника Отдѣленія. Затѣмъ быстро началъ онъ восходить выше и выше. Въ 1824 году, получилъ онъ мѣсто С.-Петербургскаго Вице-Губернатора; въ 1827 году, назначенъ Вице-Директоромъ Департамента Государственныхъ Имуществъ, въ 1830 году, вмѣстѣ съ возведеніемъ въ чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, опредѣленъ Директоромъ Канцеляріи Министра Финансовъ; а, въ слѣдующемъ 1831 году, сначала, при сохраненіи званія Директора Канцеляріи, получилъ въ управленіе Департаментъ Государственнаго Казначейства, потомъ окончательно перемѣщенъ въ этотъ Департаментъ Директоромъ. Такимъ образомъ достигъ онъ прекраснѣйшей награды, какую можетъ доставить служба: сдѣлался Главнымъ Начальникомъ тамъ, гдѣ, за тридцать почти лѣтъ предъ тѣмъ, началъ служить простымъ Канцеляристомъ. Это званіе занималъ онъ по 28 іюля 1837 года, когда Высочайшимъ Указомъ повелѣно ему быть Попечителемъ Одесскаго Учебнаго Округа.

Здѣсь оканчивается первый длинный періодъ службы Дмитрія Максимовича по Министерству Финансовъ: службы, которую онъ началъ можно-сказать съ дѣтства, въ которой онъ выросъ, образовался и возмужалъ, которой посвятилъ больше тридцати лѣтъ лучшаго времени жизни. Кромѣ занятій по постояннымъ должностямъ, на него возлагались тутъ почти безпрерывно разныя особыя порученія. Изучивъ долговременнымъ опытомъ начала, постановленія и обряды финансоваго управленія, соединяя притомъ, съ свѣтлымъ, образованнымъ умомъ и обширными, многосторонними знаніями, рѣдкую дѣятельность и пылкое усердіе къ службѣ, онъ, по волѣ Министра, сохранявшаго къ нему постоянно особенное расположеніе и полную довѣренность, былъ употребляемъ вездѣ, гдѣ требовались или дознанная опытность, или особая проницательность и сообразительность, или наконецъ строгая, испытанная честность. Такъ, въ бытность свою С.-Петербургскимъ Вице-Губернаторомъ, онъ имѣлъ неоднократно довѣряемыя отъ Министра порученія наблюдать за открытіемъ контрабанды и за пресѣченіемъ корчемства въ окрестностяхъ Столицы, и, сверхъ-того, принималъ посто-

янное участіе въ занятіяхъ Ученаго Комитета по Горной и по Соляной Части, въ качествѣ Члена; занимая должность Вице-Директора Департамента Государственныхъ Имуществъ, назначенъ былъ Старшимъ Членомъ Ученаго Комитета по Лѣсной Части, и нѣсколько времени, по особому распоряженію Министра, засѣдалъ въ Высочайше учрежденномъ Комитетѣ для уравненія Земскихъ Повинностей и въ особомъ Комитетѣ для изысканія способовъ къ улучшенію Городовъ; въ званіи Директора Канцеляріи Министра, предсѣдательствовалъ въ Комитетѣ о начертаніи правилъ для новой Народной Переписи. Всѣ сіи порученія, равно-какъ и постоянныя свои должности, исправлялъ онъ съ отличною ревностію и совершеннымъ успѣхомъ, заслуживавшими ему постоянное лестное вниманіе Начальства и обильное изліяніе Высокомонаршихъ милостей и щедротъ. Въ продолженіе своего служенія по Министерству Финансовъ, кромѣ разныхъ, въ разныя времена получаемыхъ, значительныхъ денежныхъ наградъ, въ 1827 году онъ удостоился Всемилостивѣйшаго назначенія, сверхъ жалованья, пожизненной пенсіи въ 3,000 р. асс. Ордена получилъ: въ 1815 году—Св. Владиміра 4 степени; въ 1820 году—Св. Анны 2 степени; въ 1826 году—Св. Владиміра 3 степени; въ 1832 году—Св. Станислава 1 степени; въ 1834 году—Св. Анны 1 степени.

Второй, къ сожалѣнію кратковременный, но не менѣе обильный трудами и заслугами, періодъ служебной дѣятельности Дмитрія Максимовича, принадлежитъ Министерству Народнаго Просвѣщенія. По избранію Г. Министра, нашего Почетнаго Члена, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника С. С. Уварова, вызванный волей Монарха на новое поприще, Дмитрій Максимовичъ принесъ и сюда тоже усердіе, туже неутомимую дѣятельность, тоже страстное одушевленіе къ общему благу; и его благородныя усилія увѣнчались здѣсь равными, если не бо́льшими еще успѣхами. Передъ самымъ вступленіемъ его въ управленіе Одесскимъ Учебнымъ Округомъ, главное учебное заведеніе края, Ришельевскій Лицей въ Одессѣ, получилъ новое образованіе, приближающее его къ устройству Университетскому. Осуществить новый уставъ Лицея, содержавшій въ себѣ сѣмя новой учебной и ученой жизни для Округа, предстояло новому Попечителю. Какъ исполнилъ онъ это, свидѣтельствуетъ настоящее положеніе Лицея, найденнаго имъ съ малой горстью воспитанниковъ и бо́льшей-частью

только съ вакансіями преподавателей, а теперь во всѣхъ отношеніяхъ занимающаго первое мѣсто между соименными ему учебными заведеніями Министерства. Чтобы привести это заведеніе въ возможную соотвѣтственность съ современнымъ состояніемъ наукъ, съ мѣстными потребностями края и вмѣстѣ съ общимъ направленіемъ образованія въ Россіи, Дмитрій Максимовичъ не довольствовался точнымъ приведеніемъ въ исполненіе того, что̀ было уже предположено, но съ неутомимою, можно-сказать съ безпокойною ревностью, безпрерывно стремилъ его отъ улучшеній къ улучшеніямъ. Каждый годъ, каждый семестръ, Лицей дѣлалъ новые шаги на пути къ своему во всѣхъ частяхъ усовершенствованію, снабжался достойными наставниками, обогащался воспитанниками (которыхъ число, въ теченіе семи лѣтъ, изъ 20 возросло до 130), распространялъ свои матеріальныя средства, учебныя пособія, кругъ и объемъ преподаваемыхъ предметовъ, дѣятельность, вліяніе и репутацію преподавателей, такъ-что сдѣлался можно-сказать въ маломъ видѣ мѣстнымъ Университетомъ. Стараніями Попечителя предъ Высшимъ Начальствомъ, учреждена въ немъ вновь каѳедра Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства, введено преподаваніе Судебной Медицины, Политической Ариѳметики, Геодезіи, Сравнительной Географіи, Русскихъ Древностей, наконецъ образовано, дотолѣ не существовавшее, цѣлое особое Отдѣленіе Лицея, подъ именемъ Камеральнаго, съ открытіемъ котораго послѣдовала новая организація преподаванія и въ двухъ прежнихъ Отдѣленіяхъ, Юридическомъ и Математическомъ. Не меньшее вниманіе обращено было на Лицейскую Гимназію, и на всѣ вообще учебныя заведенія Округа, среднія и низшія. Долго было-бы исчислять все, что̀ сдѣлано было покойнымъ для этѣхъ заведеній во всѣхъ отношеніяхъ, какъ матеріяльномъ, такъ особенно учебномъ и нравственномъ. Упомянемъ только объ одномъ памятникѣ его благотворныхъ видовъ и просвѣщенныхъ заботъ по этой части: памятникѣ, который надолго увѣковѣчитъ его имя въ признательномъ краѣ. Это начертанныя имъ «Программы для Преподаванія всѣхъ предметовъ въ Гимназіяхъ и въ Училищахъ Уѣздныхъ и Приходскихъ». Онѣ составляютъ какъ-бы ручную педагогическую книгу, въ которой низшее и среднее воспитаніе, съ постояннымъ вниманіемъ къ возрасту и состоянію, къ общимъ и мѣстнымъ потребностямъ воспитывающагося юношества, ведется отъ низшихъ ступеней до высшихъ, съ удивительно-выдержанною послѣдовательностью, и въ тожъ время съ глубоко-обдуманною общностью и цѣлостью, такъ-что каждый

предметъ, во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ, идетъ съ другими параллельно, въ непрерывной симметріи и гармоніи. Главнѣйшее-же достоинство этѣхъ Программъ состоитъ въ томъ, что онѣ проникнуты любимою, задушевною мыслью покойнаго, предводительствовавшею всѣми его дѣйствіями: «въ краѣ, недавно еще усыновленномъ Россіи и до-сихъ-поръ пестрѣющемъ самымъ разнообразнымъ, разноплеменнымъ, разновѣрнымъ и разноязычнымъ населеніемъ, водворить *воспитаніе и образованіе истинно Русское!*» И должно признаться, что эта мысль, изливавшаяся отъ полноты пламеннаго и просвѣщеннаго патріотическаго энтузіазма, не осталась безплодною. Провидѣніе благословило святую ревность покойнаго, еще при жизни, сладостными начатками успѣха, замѣтными всюду, начиная съ Лицея. Для достиженія такого результата въ такое короткое время, необходимы были усилія необыкновенныя, дѣятельность неутомимая, надзоръ неусыпный, постоянство непреодолимое никакими препятствіями и затрудненіями. Таковъ и былъ Дмитрій Максимовичъ. Онъ не зналъ ни утомленія, ни успокоенія; онъ весь былъ въ исполненіи принятаго на себя долга, предначертанной себѣ цѣли. Лицей и Округъ: тутъ были его домъ, его семейство, его нѣжнѣйшія привязанности и лучшія надежды и мечты; тутъ сосредоточена была вся его душа, положена вся его жизнь. Говоримъ это безъ всякаго преувеличенія, въ самомъ точномъ буквальномъ смыслѣ. Когда, въ слѣдъ за прибытіемъ Дмитрія Максимовича въ Одессу, внезапно потрясла городъ и весь край страшная вѣсть о появленіи чумы, онъ немедленно, съ находившимся въ то время при немъ сыномъ, воспитанникомъ Лицейской Гимназіи, переселился самъ въ зданіе Лицея, и здѣсь, запершись среди ввѣреннаго ему отъ Бога и Государя, многочисленнаго семейства дѣтей, прожилъ всю тяжкую годину бѣдствія, продолжавшуюся около четырехъ мѣсяцевъ, оставляя это добровольное заточеніе только на тѣ минуты, когда санъ и званіе призывали его на совѣщаніе съ мѣстнымъ Начальствомъ объ общихъ мѣрахъ къ спасенію и успокоенію города. Въ послѣдствіи, уже окруженный собственною своею семьею, онъ не разъ отъ ней отрывался и переселялся на недѣлю или на двѣ въ Лицей, для того только, чтобы собственными глазами слѣдить за воспитанниками во всякую пору дня и ночи, въ классахъ и въ дортуарахъ, въ прогулкахъ и за работою, чтобы собственнымъ личнымъ опытомъ удостовѣриться въ исполнимости и успѣш-

ности вводимаго имъ новаго порядка во всемъ образѣ ихъ жизни: здѣсь онъ жилъ одинъ, въ небольшой, тѣсной, лишенной всѣхъ удобствъ комнаткѣ, куда супруга и дѣти пріѣзжали къ нему на короткое время гостями. По Округу путешествовалъ онъ ежегодно по нѣскольку разъ, подвергаясь всѣмъ лишеніямъ и трудностямъ странствованія по пустыннымъ необозримымъ степямъ Новой-Россіи, въ горахъ Крыма и Бессарабіи, принужденный нерѣдко ночевать въ землянкѣ, спать на голой доскѣ, трястись верхомъ на Татарской лошади, или тащиться въ скрыпучей Молдаванской каруцѣ. Не было такого отдаленнаго угла въ краѣ, котораго-бы онъ не посѣтилъ, въ которомъ не заглянулъ-бы во всякой закоулокъ, носящій имя училища: въ Еврейскую Школу, въ Мусульманское Медресе, къ Армянамъ, Грекамъ, Нѣмцамъ, Булгарамъ, Румунамъ. Тутъ надо было видѣть его, украшеннаго чинами и отличіями государственнаго сановника, иногда въ грязной лачугѣ, безъ оконъ и пола, выслушивающаго робкій лепетъ оборванныхъ, босоногихъ ребятишекъ, ободряющаго ихъ своею свѣтлою улыбкою, своими нѣжными ласками. Всегда добрый, всегда привѣтливый и радушный, всегда другъ и отецъ подчиненныхъ, какъ-скоро видѣлъ хотя малѣйшее съ собою сочувствіе, онъ огорчался до глубины души, выходилъ изъ себя, дѣлался больнымъ, когда замѣчалъ холодное равнодушіе, нерадивость и бездѣйственность на поприщѣ, на которомъ самъ шелъ и работалъ первый. Эта живая впечатлительность, эта горячность, принимавшая все къ сердцу, въ соединеніи съ безпрерывными трудами и неограниченною преданностію долгу, по понятію, которое онъ самъ о немъ создалъ, безъ-сомнѣнія не мало способствовали разстройству его здоровья, истощенію силъ и наконецъ самой смерти. Много потрудился Дмитрій Максимовичъ, многое сдѣлалъ, многое замышлялъ еще сдѣлать. Уже больной, уже на порогѣ смерти, онъ пустился въ дальнюю дорогу, изъ Одессы въ Петербургъ, не для себя, но по дѣламъ службы. Въ этой дорогѣ, за нѣсколько дней до кончины, за нѣсколько верстъ отъ мѣста, гдѣ ожидалъ его гробъ, онъ имѣлъ еще столько самоотверженія, столько можно-сказать пренебреженія къ послѣднимъ остаткамъ угасавшей въ немъ жизни, чтобъ, изъ дорожнаго экипажа, въ дорожномъ платьѣ, зайти въ Елисаветградское Уѣздное Училище и провесть тамъ около четырехъ часовъ въ испытаніи учащихся, въ наставленіи учащихъ. Съ собой, сколько намъ извѣстно, везъ онъ въ Петербургъ, на ближайшее усмотрѣніе Высшаго Начальства, «Планы Спеціяль-

ныхъ Руководствъ по разнымъ предметамъ Училищнаго Преподаванія», изъ коихъ нѣкоторыя начали уже и подготовляться избранными отъ него лицами... И все это поглотила безвременная могила...

Вниманіе Начальства и Монаршія милости не оставляли и здѣсь доблестнаго труженика. При началѣ этого новаго періода службы, въ 1838 году Высочайше пожалована была ему золотая медаль на Александровской лентѣ, за содѣйствіе мѣстному Начальству въ принятіи мѣръ къ прекращенію бывшей въ Одессѣ чумы. Затѣмъ, по представленію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, справедливаго цѣнителя заслугъ, столь успѣшно осуществлявшихъ мысль о водвореніи въ Россіи воспитанія и образованія истинно Русскаго, онъ удостоился Всемилостивѣйшаго пожалованія: въ 1840 году, за ревностные труды и постоянное усердіе по управленію Округомъ, чиномъ Тайнаго Совѣтника; въ 1843 году, за усердную дѣятельность и заботы, принятыя для возведенія учебныхъ заведеній Одесскаго Округа на высшую степень устройства, орденомъ Св. Владиміра 2 степени.

До-сихъ-поръ мы разсматривали гражданина на его сорокалѣтнемъ поприщѣ многополезной службы Царю и Отечеству. Переходимъ къ неменѣе благородному и достохвальному служенію Наукамъ и въ особенности Отечественной Словесности, возлагающему новый вѣнецъ на оплакиваемую гробницу.

Дмитрій Максимовичъ принадлежалъ къ особой эпохѣ и къ особому поколѣнію, когда труженичество служебное считалось совмѣстнымъ съ занятіями учеными и литературными, когда канцелярская работа не подавляла святаго огня любви къ истинному и прекрасному, наука, искусство, поэзія, не мѣшали суровымъ заботамъ и важнымъ подвигамъ на поприщѣ государственной дѣятельности. Впрочемъ, независимо отъ общаго вліянія духа времени, онъ получилъ отъ природы особое счастливое расположеніе къ Наукамъ и Словесности, которое сохранилось въ немъ до конца жизни, въ вѣчно-юной, неувядаемо-благоуханной свѣжести.

Было уже сказано, что школьное образованіе Дмитрія Максимовича ограничивалось только гимназическимъ курсомъ, который онъ кончилъ

почти еще ребенкомъ. Сверстники и товарищи его помнятъ однако, что это былъ ребенокъ даровитый и прилежный не по лѣтамъ, что онъ и тогда уже отличался особенными способностями и необыкновенными успѣхами по классу Русской Словесности, былъ душею и предводителемъ дѣтскаго Литературнаго Общества, устроившагося, съ соизволенія и подъ надзоромъ Гимназическаго Начальства, между воспитанниками, гдѣ читались и подвергались взаимному сужденію ихъ первоначальные опыты въ прозѣ и стихахъ: журналы этого Общества сохранились отчасти у покойнаго, который иногда, въ близкомъ дружескомъ кругу, любилъ ихъ развертывать, предаваясь сладкимъ воспоминаніямъ своего дѣтства и въ-особенности товарищей своихъ по этѣмъ золотымъ играмъ золотаго времени жизни. Прибывъ въ Петербургъ на службу, юный чиновникъ немедленно примкнулся къ тѣмъ изъ своихъ сверстниковъ и сослуживцевъ, въ которыхъ обнаруживались тѣже вкусы, тоже расположеніе и рвеніе къ Словесности. Изъ нихъ образовался литературный кружокъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи разсадникомъ многихъ примѣчательныхъ на поприщѣ Отечественной Словесности людей; сюда принадлежали: Милоновъ, Бенитскій, Гнѣдичъ, Никольскій, Остолоповъ, А. Е. Измайловъ, Д. В. Дашковъ, Н. И. Гречъ, М. Е. Лобановъ и другіе. Въ этомъ кружкѣ, Дмитрій Максимовичъ жилъ и дѣйствовалъ до отъѣзда своего за границу. Разные литературные труды его, принадлежащіе къ этой эпохѣ, помѣщались въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ, въ особенности въ «Цвѣтникѣ», издававшемся сначала Бенитскимъ и Измайловымъ, потомъ Измайловымъ и Никольскимъ. Посвящая такимъ образомъ досуги свои любимому занятію литературой, онъ съ-тѣмъ-вмѣстѣ не переставалъ заботиться объ основательномъ довершеніи своего умственнаго образованія науками, и, чрезъ нѣсколько времени, не оставляя службы, ѣздилъ нарочно въ мѣсто первоначальнаго своего воспитанія, Казань, гдѣ, въ тамошнемъ Университетѣ, выдержалъ успѣшно испытаніе, даровавшее ему права Университетскаго Студента. Пребываніе за границей нисколько не прекратило его занятій любимымъ предметомъ, Словесностью; напротивъ, оно обращено было имъ въ средство къ дальнѣйшему развитію и усовершенствованію его счастливыхъ способностей. Изучивъ основательно Нѣмецкую Литературу, онъ нашелъ въ ней новыя сокровища для обогащенія своего ума, для изощренія и облагородствованія вкуса. Отда-

леніе отъ Отечества не дозволяло ему принимать по-прежнему непосредственное участіе въ тогдашнемъ движеніи Отечественной Литературы: за то онъ вознаграждалъ себя, помѣщая плоды своихъ досуговъ, на Нѣмецкомъ языкѣ, въ современныхъ Нѣмецкихъ, въ особенности Вѣнскихъ журналахъ и газетахъ, впрочемъ и тутъ имѣя всегда въ виду Отечество, поставляя предметомъ и цѣлью своихъ статей ознакомленіе Нѣмцевъ съ разными достопримѣчательностями Россіи, особенно съ духомъ Русскаго Языка, съ богатствами Русской Словесности. Возвратясь въ Отечество, Дмитрій Максимовичъ не нашелъ уже многихъ изъ своихъ прежнихъ сверстниковъ и сотоварищей, похищенныхъ преждевременной смертью. Впрочемъ, новое поколѣніе представителей литературной жизни Петербурга группировалось вокругъ двухъ главныхъ тогда журналовъ Сѣверной Столицы: «Благонамѣреннаго» и «Сына Отечества», издаваемыхъ его старыми знакомыми. Съ ними возобновилъ свои связи Дмитрій Максимовичъ, сдѣлавшись ревностнымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ ихъ изданій. Было даже время, когда самъ онъ выступалъ на поприще издателя, выпуская, при «Сынѣ Отечества», особое прибавленіе подъ именемъ «Библіотеки для Чтенія». Это былъ примѣчательный въ свое время сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ повѣстей, отличавшихся строгою разборчивостью содержанія и изящною чистотою и легкостью языка: тутъ публика съ наслажденіемъ читала лучшія произведенія тогдашнихъ первыхъ представителей повѣствовательной литературы, Гофмана и Цшокке, въ образцовыхъ переводахъ, которые бо́льшею-частію принадлежали самому издателю и его братьямъ, неразлучно шедшимъ по его слѣдамъ и въ службѣ и въ жизни. Въ существовавшихъ тогда въ Петербургѣ Обществахъ: Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ и Любителей Россійской Словесности, Дмитрій Максимовичъ принималъ также ревностное и дѣятельное участіе, въ качествѣ Члена; въ послѣднемъ-же, неоднократно носилъ почетную должность Цензора Прозы, и потомъ былъ Помощникомъ Предсѣдателя. Въ этомъ періодѣ своей жизни, онъ съ особенною любовію занимался филологическими изслѣдованіями о Синонимахъ Русскаго Языка, изъ которыхъ многіе любопытные отрывки помѣщены въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности», называвшихся также «Журналомъ Соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія», и въ другихъ по-

*

временныхъ изданіяхъ. Такое направленіе его занятій заслужило ему, въ 1837 году, избраніе въ Члены бывшей Императорской Россійской Академіи, въ трудахъ которой по составленію новаго Словаря Русскаго языка досталась и ему доля, занимавшая его до настоящаго преобразованія Академіи, при которомъ онъ сохранилъ званіе Почетнаго Члена новообразованнаго Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Естественная связь между Словесностью и вообще Искусствами отпечатлѣвалась и въ душѣ покойнаго, равно страстной ко всему прекрасному, равно любившей все ознаменованное печатью изящнаго творчества: въ слѣдствіе того онъ былъ Членомъ Императорскаго Общества Поощренія Художниковъ, вполнѣ заслуживавшимъ это имя. Между-тѣмъ, мужая въ лѣтахъ, онъ обнаружилъ въ себѣ сочувствіе и къ другому поприщу плодотворнаго дѣйствованія мыслью и словомъ на пользу Отечества, именно къ Сельскому Хозяйству: это заслужило ему, еще въ Петербургѣ, избраніе въ Члены Высочайше учрежденнаго Общества Поощренія Лѣснаго Хозяйства, Вольнаго Экономическаго Общества и Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, а, по прибытіи въ Одессу, приглашеніе въ Члены Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.

При переселеніи въ Одессу, Дмитрій Максимовичъ находился уже въ томъ періодѣ жизни, когда души наиболѣе пылкія и страстныя, особенно послѣ тридцати лѣтъ неусыпныхъ трудовъ, начинаютъ, въ слѣдствіе естественнаго утомленія, чувствовать нужду въ отдыхѣ, въ успокоеніи. Въ эту пору, все, чего въ правѣ ожидать и требовать отъ заслуженныхъ ветерановъ, состоитъ только въ томъ, чтобы опытность ихъ служила руководствомъ и наставленіемъ, указывала цѣль, давала направленіе и поддерживала стройное развитіе дѣятельности поколѣнія младшаго, призваннаго работать въ кругѣ, ввѣряемомъ ихъ попеченію. Не таковъ былъ Дмитрій Максимовичъ. Старѣясь лѣтами, онъ не старѣлся душею; напротивъ, здѣсь, на новомъ поприщѣ, онъ какъ-будто оюнѣлъ снова. Невозможно изобразить того одушевленія, съ которымъ онъ, главный начальникъ обширнаго и важнаго управленія, осыпанный чинами и отличіями, осеребренный снѣгомъ преждевременной, и тѣмъ-не менѣе или лучше тѣмъ-болѣе достопочтенной сѣдины, сталъ самъ первый въ ряды дѣйствователей на поприщѣ ученой и литературной дѣятельности въ порученномъ его вѣдѣнію краѣ. Попечитель Округа сдѣлался самъ—писате-

лемъ, редакторомъ, издателемъ, корректоромъ! Едва пріѣхавъ въ Одессу, онъ вз ся издавать «Листки Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи», и занимался этой работой одинъ, безъ всякихъ сотрудниковъ даже въ механическомъ дѣлѣ исправнаго и опрятнаго печатанія. Затѣмъ, въ 1839 и 1840 году, издалъ онъ два прекрасные литературные сборника, подъ именемъ «Одесскаго Альманаха», которые, занимательностью содержанія и изяществомъ, можно-даже сказать великолѣпіемъ исполненія, возбудили общее удивленіе образованной публики, встрѣтили самый лестный пріемъ въ обѣихъ Столицахъ и юной Одессѣ укрѣпили право почетнаго согражданства въ современной исторіи Русской Изящной Словесности. Кромѣ-того, во все время своего пребыванія въ Новороссійскомъ-Краѣ, онъ издавалъ, выпрошенный имъ у мѣстнаго Начальства въ пользу бѣдныхъ учениковъ Лицея и Округа, «Новороссійскій Календарь», который, совершенствуя годъ-отъ-году, умѣлъ сдѣлать, по единогласному сознанію всѣхъ, самой полной энциклопедіей нужныхъ и полезныхъ свѣдѣній о краѣ, историческимъ, статистическимъ и географическимъ зеркаломъ его монументальнаго прошедшаго и полнаго столь блистательныхъ надеждъ настоящаго. Наконецъ, при всякомъ важномъ и торжественномъ случаѣ, въ Лицеѣ и особенно въ нашемъ Обществѣ, любилъ онъ изливать свои свѣтлыя мысли, свои благородныя чувства, желанія, предначертанія, надежды и обѣты, въ рѣчахъ, исполненныхъ истиннаго, неподдѣльнаго, задушевнаго краснорѣчія: нѣкоторыя изъ этѣхъ рѣчей, частію въ отрывкахъ, частію вполнѣ, были печатаемы въ тоже время въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»; одно обширное слово, имѣющее достоинство ученаго трактата, вошло въ составъ изданнаго отдѣльно описанія «Торжественнаго Собранія Общества» (Одесса. 1840).

Мы-бы опустили замѣчательную черту въ жизни Дмитрія Максимовича, имѣвшую важное, существенное отношеніе къ его литературно-ученой дѣятельности, еслибъ прошли молчаніемъ путешествія по чужимъ краямъ, неоднократно имъ совершенныя. Покойный имѣлъ особенный вкусъ, можно сказать даже страсть къ путешествованію; но онъ не скитался по свѣту отъ бездѣлья и для бездѣлья: онъ ѣздилъ всегда и вездѣ съ просвѣщенною жаждою познаній, съ цѣлью наблюдать и учиться. Было уже сказано о его первомъ путешествіи за границу по долгу службы, за кото-

рымъ слѣдовало шестилѣтнее пребываніе въ Вѣнѣ. Это было въ самую блистательную эпоху современной исторіи, во время знаменитаго Конгресса, рѣшавшаго въ Вѣнѣ судьбу Европы: можно вообразить, какое вліяніе должно было имѣть на молодаго человѣка съ душей присутствіе на самомъ театрѣ столь великихъ событій. Въ послѣдствіи, изъ Петербурга, онъ отправлялся еще два раза за предѣлы Отечества: въ первый разъ, на двѣнадцать мѣсяцовъ, съ 31 мая 1828 по 29 мая 1829 года; во второй разъ, на шесть мѣсяцовъ, съ 12 іюня по 23 декабря 1835 года. Въ этѣ двѣ поѣздки, онъ объѣхалъ всю Германію, и посѣтилъ Верхнюю-Италію. Наконецъ, уже изъ Одессы, уѣзжалъ онъ опять на цѣлый годъ, съ сентября 1841 по сентябрь 1842 года, въ дальнее и трудное путешествіе, имѣвшее опредѣленную цѣль, непосредственно относившуюся къ учебнымъ и ученымъ пользамъ Новороссійскаго-Края. Это путешествіе началъ онъ съ При-Дунайскихъ Княжествъ, проѣхалъ потомъ Трансильванію и Венгрію, объѣхалъ снова Италію до Неаполя, затѣмъ посѣтилъ восточный берегъ Адріатическаго-Моря, взбирался на знаменитую Черную-Гору, заѣзжалъ въ Сербію, и наконецъ изъ Вѣны, чрезъ Богемію, Саксонію и Пруссію, возвратился въ Петербургъ, и потомъ въ Одессу. Что̀ имѣлъ онъ въ виду при столь отдаленномъ и сопряженномъ съ великими трудностями странствованіи, объясняютъ: «Отчетъ» сопутствовавшаго ему Сочлена, помѣщенный въ этомъ томѣ «Записокъ», и любопытныя свѣдѣнія о «состояніи Учебныхъ Заведеній въ Молдавіи, Валахіи и Сербіи», сообщенныя самимъ покойнымъ въ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Не даромъ изъѣздилъ онъ и бо́льшую-часть Россіи, жадно наблюдая, внимательно изслѣдуя все, относящееся къ жизни великаго нашего Отечества, открывая, собирая и частію описывая разныя достопримѣчательности народной, общественной и государственной жизни Русской. Мы знаемъ, что у него постоянно копились и накопились богатыя сокровища разныхъ памятниковъ старины, разныхъ замѣтокъ и записокъ о настоящемъ. Въ послѣднее время, особенно съ послѣдняго путешествія за границу, онъ положилъ основаніе у себя примѣчательной коллекціи монетъ, рукописей и старопечатныхъ книгъ, въ-особенности Славянскихъ, изъ которыхъ не переставалъ удѣлять значительныя приношенія и въ пользу нашего Общества. . .

Но время намъ обратиться къ самимъ-себѣ, сосредоточиться въ ближайшихъ для насъ воспоминаніяхъ о незабвенныхъ заслугахъ усопшаго непосредственно и исключительно нашему Обществу.

Въ предлагаемой книгѣ помѣщено краткое обозрѣніе учрежденія, образованія и дѣйствій нашего Общества, подъ заглавіемъ: «Лѣтопись Общества» (с. 565 — 578). Это обозрѣніе составлено покойнымъ Дмитріемъ Максимовичемъ: и вотъ причина, почему въ немъ о лицѣ его говорится весьма мало, сказывается еще менѣе. Необыкновенная скромность, можно даже сказать застѣнчивость въ отношеніи къ себѣ, составляла одно изъ главныхъ отличительныхъ свойствъ прекрасной души покойнаго. Онъ добровольно изглаживалъ себя, умышленно становился самъ въ тѣни, чтобы вся честь и слава успѣховъ падала не на лице, а на дѣло. Нашъ долгъ исправить теперь это благородное самозабвеніе. Мы перескажемъ здѣсь вновь исторію нашего Общества въ полнѣйшемъ ея видѣ, въ коемъ она составляетъ эпизодъ предлагаемой нами біографіи.

Покойный Президентъ, въ своей «Лѣтописи», кратко коснувшись давнишняго зарожденія въ Одессѣ мысли объ учрежденіи Ученаго Общества для соединенной разработки мѣстныхъ древностей и воспоминаній, всю честь осуществленія этой мысли приписалъ, также покойному уже, равно незабвенному нашему Сочлену, М. М. Кирьякову (с. 566). Воздадимъ каждому должное! Кирьяковъ точно былъ главный изъ мѣстныхъ жителей края, который въ своей преданной всему доброму и прекрасному душѣ, носилъ и лелѣялъ съ особенною любовью мысль объ учрежденіи въ Одессѣ Общества. Но, до прибытія Дмитрія Максимовича, мысль эта не выходила изъ предѣловъ дружескаго круга любителей и тружениковъ просвѣщенія, гдѣ была предметомъ желаній, надеждъ и отчасти приготовленій, которымъ впрочемъ не предвидѣлось и не ожидалось скораго исполненія. Явился Дмитрій Максимовичъ, и все закипѣло, все пошло въ ходъ: желанія превратились въ дѣйствія, надежды осуществились. Прошелъ только годъ съ водворенія его въ Одессѣ, и изъ пяти Членовъ-Основателей, въ числѣ которыхъ находился и онъ, образовался зародышъ Общества, отъ имени котораго представленный Уставъ немедленно получилъ утвержденіе Высшаго Начальства. Въ «Лѣтописи», Дмитрій Максимовичъ при-

писалъ себѣ только услугу представленія Устава на утвержденіе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія; то-есть: сказалъ то, чего нельзя было не сказать, что̀ дѣлалось и сдѣлано оффиціально. Но если онъ умолчалъ, то мы не должны скрывать, мы считаемъ долгомъ объявить, что этотъ Уставъ былъ написанъ весь, слово-до-слова, въ его кабинетѣ, собственною его рукою. Самъ Кирьяковъ, въ то время находившійся уже на смертномъ одрѣ, не могъ принимать дѣятельнаго участія въ этой работѣ, положившей первое основаніе вождѣленному осуществленію его задушевной мысли. Какъ онъ, такъ и прочіе Члены-Основатели, подкрѣпили единодушнымъ одобреніемъ составленныя такимъ образомъ начала и условія существованія Общества: и—явилось Общество!—

При утвержденіи Устава, воспослѣдовавшемъ въ 25 день марта 1839 года, новорожденное Общество не имѣло никакихъ вещественныхъ средствъ и способовъ, ни даже мѣста для собранія своихъ Членовъ. Первый денежный капиталъ для него составился изъ пожертвованій еще бывшаго въ живыхъ М. М. Кирьякова и Дмитрія Максимовича. Затѣмъ, для торжественнаго открытія Общества, происходившаго 23 апрѣля 1839 года, Дмитрій Максимовичъ, какъ Попечитель, предложилъ залу Ришельевскаго Лицея, куда и стеклось присутствовавшее при томъ многочисленное собраніе публики. Здѣсь Дмитрій Максимовичъ, какъ Попечитель, объявилъ объ оффиціальномъ утвержденіи Общества Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, и потомъ, уже какъ Членъ-Основатель, представилъ въ краткой рѣчи его цѣль и главныя основанія, а въ слѣдъ за тѣмъ, отъ имени всѣхъ Членовъ-Основателей, пригласилъ, изъ среды присутствовавшихъ посѣтителей, нѣкоторыхъ, предварительно общимъ согласіемъ избранныхъ, особъ, къ немедленному принятію полнаго участія въ дѣйствіяхъ открывшагося Общества, съ званіемъ Дѣйствительныхъ Членовъ. Такъ составилось первое засѣданіе Общества, въ которомъ устроена была его внутренняя организація, чрезъ замѣщеніе предназначенныхъ Уставомъ должностныхъ мѣстъ, по предписанному въ Уставѣ порядку, балотированіемъ. Единодушное согласіе Членовъ избрало Дмитрія Максимовича въ Президенты: званіе, которое носилъ онъ до самой своей кончины, бывъ, по истеченіи перваго трехлѣтія, въ 1842 году, вторично избранъ также единодушнымъ согласіемъ Членовъ.

Кто не знаетъ, какъ трудно двигается впередъ всякое новое дѣло, особенно такое, сущность котораго состоитъ въ направленіи многихъ силъ къ одной цѣли? Бытіе Общества утвердилось. Надлежало проявить это бытіе въ дѣйствіяхъ. Но въ настоящее время, когда усиленное развитіе личностей подаетъ поводъ многимъ думать, что вѣкъ Обществъ, имѣющихъ цѣлію безкорыстное служеніе Наукѣ, рѣшительно кончился — какъ было приступить, какъ взяться за дѣло? Это было для насъ необычайное счастіе, что во главѣ у насъ сталъ человѣкъ, который не могъ удовольствоваться тѣмъ, чтобъ написать Уставъ Обществу и потомъ писаться его Президентомъ. Для успѣшнаго дѣйствованія соотвѣтственно своему назначенію, нужны были для Общества: во-первыхъ — дѣлатели, во-вторыхъ — вещественныя средства и способы, въ-третьихъ — самое главное и существенное, особенно при началѣ дѣла — сила нравственная, внушеніе къ себѣ довѣрія и уваженія. На все это Президентъ обратилъ всю пылкость своего усердія, всю неутомимость своей дѣятельности. Первымъ долгомъ своимъ онъ поставилъ, искать всюду полезныхъ сотрудниковъ и споспѣшествователей Обществу; для чего, и письменно, и лично, входилъ въ близкія сношенія со всѣми любителями и знатоками древностей, разсѣянными по пространству нашего великаго Отечества, ухаживалъ за ними, завлекалъ и заманивалъ ихъ къ участію въ Обществѣ всею очаровательною прелестью своей прекрасной души. Между-тѣмъ, Почетный Президентъ Общества, Графъ М. С. Воронцовъ, вполнѣ сочувствуя видамъ, имѣвшимъ цѣлію благо и честь любимаго имъ края, не замедлилъ исходатайствовать Обществу отъ Монаршихъ щедротъ постоянное денежное подкрѣпленіе и, что̀ всего драгоцѣннѣе и выше, дозволеніе украситься священнымъ именемъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, какъ Покровителя. Всемилостивѣйшее о томъ соизволеніе состоялось въ 14 день ноября 1839 года. Эта державная милость, коей довершилось созданіе и обезпечилось дѣйствованіе Общества, внушила Президенту мысль, при возвѣщеніи ея Сочленамъ (31 декабря 1839), сдѣлать принятое съ единодушнымъ восторгомъ предложеніе: отнынѣ числить бытіе Общества и начинать годовое теченіе его дѣлъ со дня, ознаменованнаго столь великимъ для него событіемъ.

Дѣйствительно, съ этого дня началась истинная жизнь Общества. Въ чрезвычайномъ Торжественномъ Собраніи, коимъ въ слѣдъ за тѣмъ, 4 февраля 1840 года, Общество сочло долгомъ отпраздновать свою признательность и радость, Президентъ, дождавшійся наконецъ полнаго осуществленія всѣхъ предварительно-необходимыхъ условій для дѣятельности Общества, произнесъ къ Сочленамъ превосходное слово, въ которомъ ясно и опредѣлительно указалъ, какъ должна отнынѣ проявляться эта дѣятельность: слово то самое, которое, вмѣстѣ съ рѣчами другихъ Сочленовъ тогдажъ произнесенными, было издано отъ Общества въ особой брошюрѣ, или правильнѣе книгѣ. Въ немъ представлены были программа и планъ занятій, предстоящихъ Обществу, во-первыхъ, въ стройной систематической цѣлости, необходимо разширившей кругъ и объемъ дѣйствій Общества, во-вторыхъ, съ краткою, но всеобъемлющею подробностью, осязательно обозначившею способы и средства, какими Общество должно дѣйствовать, чтобы имѣть успѣхъ въ дѣйствіяхъ. Можно сказать, что тутъ выразился первый актъ полнаго самосознанія Общества, во всей обширности его назначенія и во всемъ разнообразіи его обязанностей. Такъ думало и Общество, составивъ, на основаніи изложенныхъ въ немъ началъ, краткое обозрѣніе предоставляемыхъ себѣ работъ, которое разослало, для свѣдѣнія и руководства, ко всѣмъ Сочленамъ. Это-то самое обозрѣніе помѣщено, только безъ означенія, кому принадлежитъ, въ «Лѣтописи Общества». (с. 571 — 573).

Описывая послѣдовавшія за тѣмъ дѣйствія Общества, «Лѣтопись» выражается слишкомъ коротко, а иногда и вовсе умалчиваетъ объ участіи въ нихъ Президента. Между-тѣмъ, онъ былъ душею ихъ всѣхъ: бо́льшая-часть предпріятій была имъ первоначально задумана; нѣкоторыя и производились имъ самимъ лично; всѣ поддерживались его неутомимою ревностью и неистощимою дѣятельностью. Такъ, ему принадлежитъ открытіе забытаго Архива Крѣпости С. Димитрія Ростовскаго и мысль о его разборѣ, доставившемъ Обществу около шести-сотъ любопытныхъ для исторіи края документовъ. Онъ первый восчувствовалъ и оцѣнилъ важность, оказавшихся потомъ безцѣнными, находокъ древнихъ Еврейскихъ памятниковъ въ Крыму, относящихся къ вѣкамъ, которыхъ туземная исторія до-сихъ-поръ считалась совершенно погибшею для воспоминаній. Имъ пріобрѣтены и подарены

Обществу куфическія монеты X вѣка, найденныя въ 1839 году въ Рязанской губерніи, описаніе коихъ издано потомъ отъ Общества особою книгою. По его предложенію и подъ его руководствомъ, совершены, въ 1843 году, ученая поѣздка Дѣйствительнаго Члена Григорьева въ Крымъ и археологическія разрытія кургановъ въ Керчи Членомъ-Соревнователемъ Кологривовымъ. Не исчисляемъ прочихъ неисчислимыхъ случаевъ, въ коихъ онъ оказывалъ Обществу разныя мелкія, но тѣмъ не менѣе полезныя услуги: онъ, который вездѣ и всегда напрягалъ все свое вниманіе, устремлялъ всю свою дѣятельность, наблюдалъ, подмѣчалъ, развѣдывалъ, пріобрѣталъ, жертвовалъ, просилъ, хлопоталъ, предстательствовалъ, подстрекалъ и ободрялъ всѣми зависящими отъ него средствами ревность другихъ, и наконецъ самъ лично, въ буквальномъ смыслѣ, «работалъ» для Общества. Такъ, въ 1840 и 1841 годахъ, путешествуя по Южной-Европѣ, онъ имѣлъ въ виду постоянно ученые интересы Общества: этому путешествію, какъ изъясняетъ краткій отчетъ, помѣщенный въ предлагаемой книгѣ (с. 518—548), Общество между-прочимъ обязано тѣмъ, что намѣренія и занятія его сдѣлались извѣстными ученой Европѣ, что къ трудамъ его возбудилось лестное сочувствіе въ современныхъ историческихъ и археологическихъ знаменитостяхъ, особенно въ Славянахъ и Славянистахъ, что съ нимъ вошли въ близкія сношенія, принявъ званіе Дѣйствительныхъ Членовъ, такіе люди, какъ Копитаръ, Ганка, Вукъ Стефановичъ Караджичъ, Гай, Колларъ и другіе имъ подобные, что наконецъ, въ качествѣ Почетныхъ Членовъ, сопричислились къ нему Владѣтельные Господари Молдавіи и Валахіи и Владыка Черногорскій. Самъ-же онъ, въ-слѣдствіе извѣстности, пріобрѣтенной въ ученой Европѣ, избранъ былъ въ Члены Копенгагенскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ.

Но мы умолчали-бы о самомъ близкомъ, самомъ осязательномъ и вмѣстѣ самомъ краснорѣчивомъ памятникѣ безпримѣрнаго усердія покойнаго къ пользѣ и чести Общества, еслибъ не объяснили того участія, которое принималъ онъ въ составленіи и изданіи настоящаго тома «Записокъ». Это участіе, скажемъ со всею искренностью, было такого, что безъ Дмитрія Максимовича выходящая теперь книга еще долго не явилась-бы на свѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ нынѣ является. Предложимъ здѣсь вкратцѣ ея исторію, восполняя краткость «Предисловія», составленнаго покойнымъ Пре-

зидентомъ съ тоюже скромностію въ разсужденіи себя, какъ и «Лѣтопись Общества». Съ самаго учрежденія своего, Общество поставило себѣ въ обязанность изданіе своихъ трудовъ, по мѣрѣ ихъ накопленія. Они и копились мало-по-малу, такъ-что, къ началу 1842 года, когда Дмитрій Максимовичъ возвратился въ Одессу изъ своего заграничнаго путешествія, количество ихъ оказалось достаточнымъ для составленія книги. Рѣшено было приступить къ изданію. Не желая, чтобы это шло какъ-нибудь, Президентъ предложилъ, или лучше сказать вызвался начертать систематическую программу предполагаемаго изданія, а когда она была составлена и одобрена Обществомъ, подалъ мысль къ учрежденію изъ среды Членовъ особаго Издательнаго Комитета, для котораго изложилъ сообразныя съ программою правила, также одобренныя и утвержденныя Обществомъ. Какъ программа, такъ и правила для устройства и дѣйствій Комитета, внесены были во вновь составленный проэктъ исправленнаго и дополненнаго Устава Общества, утвержденный Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 25 іюня 1842 года. Въ тоже время составился и самый Комитетъ, согласно съ Уставомъ, изъ пяти Членовъ: Президента и Секретаря, по состоянію ихъ въ должностяхъ, и трехъ Дѣйствительныхъ Членовъ, по выбору, кои были А. С. Стурдза, Н. И. Надеждинъ и В. В. Григорьевъ. По образованіи своемъ, Комитетъ немедленно приступилъ къ разбору и классификаціи поступившихъ въ вѣдѣніе его отъ Общества матеріаловъ и, составивъ списокъ тѣмъ изъ нихъ, кои, по его мнѣнію, могли войти въ составъ перваго тома «Записокъ», представилъ, согласно установленному порядку, на утвержденіе Общества. Общество утвердило. Оставалось, по-видимому, дѣло самое легкое: печатать и выпускать въ свѣтъ. И дѣйствительно, было приступлено къ тому въ іюлѣ 1842 года. Но едва дѣло пошло въ ходъ, какъ опытъ на каждомъ шагу началъ представлять затрудненія неожиданныя, препятствія непредвидѣнныя. При ближайшемъ разсмотрѣніи, многіе изъ предварительно одобренныхъ Комитетомъ и Обществомъ матеріаловъ оказались неудобными къ помѣщенію въ изготовляемомъ томѣ: надо было принять мѣры къ замѣнѣ ихъ, обращаться съ просьбами къ сотрудникамъ объ обработаніи вновь нѣкоторыхъ предметовъ, или объ ускореніи тѣми работами, которыя были обѣщаны, но не доставлялись во-время. Въ «Предисловіи» кратко объяснено, какія кромѣ-того неудобства представляло самое механическое выполненіе дѣла, какихъ требовало хлопотъ и усилій печата-

ніе текста и литографированіе приложеній, какъ разные шрифты надлежало выписывать изъ Парижа, изъ Петербурга, изъ Евпаторіи, изъ Кишинева, снимки и рисунки заказывать въ обѣихъ Столицахъ, столько удаленныхъ отъ Одессы. Все это выписывалось и заказывалось своевременно, но, по разнымъ обстоятельствамъ, какъ обыкновенно случается, задерживалось отправленіемъ и прибытіемъ къ сроку, опаздывало иногда цѣлыми мѣсяцами, а время своимъ чередомъ шло, да шло, и такимъ образомъ прошли цѣлые два года. Между-тѣмъ, изъ числа избранныхъ въ Издательный Комитетъ Членовъ, А. С. Стурдза, еще до начатія дѣйствій Комитета, выбылъ совершенно изъ Общества (31 мая 1842), а Н. И. Надеждинъ, вскорѣ по начатіи печатанія книги, совершенно оставилъ Одессу (17 августа 1842): оба они не были замѣнены никѣмъ. Такимъ-образомъ вся тягость издательныхъ трудовъ легла на оставшихся трехъ Членовъ: главная-же доля ихъ досталась Президенту. Уже разстроенный въ своемъ здоровьѣ, посреди многотрудныхъ заботъ своей прямой оффиціальной службы, онъ въ эти два года не давалъ себѣ покоя, чтобы привести къ концу затягивавшееся безпрерывно дѣло. Наступало время ѣхать въ Петербургъ, а книга была еще неготова. При этѣхъ обстоятельствахъ, и еще одинъ изъ Членовъ Комитета, В. В. Григорьевъ, также покинулъ Одессу. Остался въ Комитетѣ только, Дмитрій Максимовичъ съ Секретаремъ Общества. Рѣшась окончить дѣло во чтобъ то ни стало, онъ со дня на день откладывалъ давно рѣшенную поѣздку, и такимъ образомъ прожилъ въ Одессѣ все прошлое лѣто, лучшее и удобнѣйшее время къ совершенію столь дальняго путешествія. Это время, онъ безпрерывно занимался самыми мелочными заботами, самыми чернорабочими трудами по окончанію печатанія книги: изъ прекраснаго загороднаго приморскаго хутора, гдѣ семейство его проводило знойные лѣтніе мѣсяцы, онъ каждую недѣлю, два или три раза, пріѣзжалъ въ городъ, и оставался здѣсь иногда по нѣскольку дней сряду, сидя за корректурою послѣднихъ листовъ. Письма тогда писанныя имъ изъ Одессы въ Петербургъ, гдѣ прибытіе его ожидалось тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ печальнѣе были извѣстія объ опасномъ состояніи его здоровья, всѣ наполнены были сѣтованіями и безпокойствами о «Запискахъ». Наконецъ, день, въ который заключилось печатаніе книги, былъ днемъ, въ который рѣшился его выѣздъ. Съ какою радостью извѣстилъ онъ о томъ своихъ родственниковъ и друзей, присовокупляя, что теперь ничто болѣе не удерживаетъ

его въ Одессѣ! Впрочемъ, и эта радость его была не совсѣмъ спокойна: изъ послѣднихъ, предсмертныхъ строкъ, приложенныхъ имъ къ настоящему тому «Записокъ» въ видѣ «Предисловія», очевидно, что, въ избыткѣ своей скромности, онъ мучился сомнѣніемъ и безпокойствомъ, какъ этотъ первый плодъ совокупныхъ трудовъ Общества будетъ принятъ ученою публикою; «Предисловіе» это, не въ примѣръ прочимъ, все состоитъ изъ смиренныхъ извиненій въ неизбѣжныхъ несовершенствахъ изданія. На-канунѣ своего выѣзда въ путь, онъ отправилъ въ Петербургъ нѣсколько экземпляровъ книги, съ тѣмъ чтобы она предварила его здѣсь. И это дитя сердца его, взлелѣянное имъ на порогѣ гроба, пришло сюда уже сирымъ... Покойный не имѣлъ удовольствія дожить до появленія на свѣтъ книги, которая, каковъ-бы ни былъ судъ о ея внутреннемъ достоинствѣ, уже одною своею обширностью, разнообразіемъ содержанія и изяществомъ внѣшняго исполненія, неоспоримо заслуживаетъ глубокую признательность и истинную честь главному виновнику ея бытія...

Дмитрій Максимовичъ скончался невдалекѣ отъ предѣловъ Новороссійскаго-Края, Полтавской губерніи Золотоношскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Буромкѣ, въ домѣ владѣтельницы мѣстечка Елисаветы Михайловны Фролъвой-Багрѣевой, дочери покойнаго Графа М. М. Сперанскаго.

Съ разрушеннымъ продолжительною внутреннею болѣзнью здоровьемъ, выѣхалъ онъ изъ Одессы 10 сентября текущаго года, сопровождаемый благословеніями и слезами, исторгаемыми у всѣхъ знавшихъ и любившихъ его невольнымъ предчувствіемъ грозившей ему опасности. Съ нимъ находилось его семейство: супруга и дѣти. Путешествіе его продолжалось медленно, такъ-что только къ 20 сентября прибылъ онъ въ мѣстечко Буромку, съ владѣтельницею котораго предварительно обѣщался свидѣться на пути. Здѣсь, находящійся при помѣстьѣ ученый и искусный Докторъ, Г. Прейсъ, объявилъ, что онъ не можетъ дозволить ему ѣхать далѣе. Больной былъ еще на ногахъ, но уже самъ чувствовалъ опасность своего положенія, къ которой отчасти приготовлялъ и семейство свое отдаленными намеками. Онъ покорился волѣ врача, и остановился подъ гостепріимнымъ кровомъ, гдѣ дружба хо-

зяйки окружила его самыми внимательными, самыми нѣжными попеченіями. Тутъ онъ провелъ десять дней, въ продолженіе которыхъ болѣзнь, не смотря на всѣ врачебныя усилія, быстро пошла къ развязкѣ. Послѣднія минуты умирающаго были достойны его прекрасной жизни. Съ яснымъ спокойствіемъ смотрѣлъ онъ въ лице смерти, которой приближеніе чувствовалъ, о которой до послѣдняго дня открыто бесѣдовалъ съ родственниками и друзьями чрезъ диктуемыя на смертномъ одрѣ письма. По утру 29 сентября, онъ причастился Святыхъ Таинъ. Это ободрило и возвысило его духъ, такъ-что блеснулъ лучь надежды, что и тѣлесныя силы его могутъ еще возстановиться. Но, вечеромъ 30 сентября, смерть сказалась ему явственно, неумолимо. Онъ созвалъ къ себѣ свое семейство, объявилъ, что приспѣлъ часъ его, и началъ благословлять оставляемыхъ сиротъ, завѣщавая имъ быть достойными милости Провидѣнія, которому поручалъ ихъ съ полною вѣрою Христіанина. . . Рѣчь изсякла въ его устахъ. Началось смертное томленіе, но такое мирное и кроткое, какъ погруженіе въ успокоительный сонъ. Онъ не могъ говорить, но сохранялъ полное сознаніе. . . Съ разсвѣтомъ утра 1 октября, совершено было надъ нимъ Елеосвященіе. Умирающій имѣлъ еще столько свѣтлости въ мысляхъ, столько жара въ чувствахъ, что слѣдовалъ внимательно за всѣми произносимыми молитвами и съ жадностію простиралъ уста къ лобызанію Святаго Евангелія. . . Въ десять часовъ три четверти, лице его осіялось неземною улыбкою, и эта улыбка застыла подъ рукою смерти. . .

Прахъ усопшаго положенъ при мѣстной церкви С. Димитрія.

Мужъ, приносившій своими заслугами столько пользы и чести Отечеству, теперь извѣстенъ. . . Но еще остается человѣкъ въ достолюбезной, очаровательной красотѣ своей частной жизни: остается нѣжный сынъ, братъ, супругъ и отецъ; остается безпримѣрный другъ, незабвенный собесѣдникъ и сотоварищъ, рѣдкій благотворитель . . . Здѣсь предложенъ краткій некрологъ Попечителя Учебнаго Округа, Президента Общества, Тайнаго Совѣтника *Княжевича*. Полная біографія *Дмитрія Максимовича* еще ожидается: и Общество, къ обязанностямъ котораго принадлежитъ собираніе и со-

храненіе всѣхъ достойныхъ памяти туземныхъ воспоминаній, конечно не замедлитъ заготовить это лучшее украшеніе для будущей исторіи Новороссійскаго-Края. . .

Члены Издательнаго Комитета:
Вице-Президентъ Общества *С. Сафоновъ.*
Дѣйствительные Члены О.: *Н. Надеждинъ.*
В. Григорьевъ.

СПБ.
15 ноября 1844.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, ноября 28 дня 1844 года.
Цензоръ *А. Никитенко.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.